А. КАЛИНЧЕНКО

„НАШ ДРУГ „МАКСИМ“

Издательство ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1948

Ответств. редактор С. Андреев.

Подписано к печати 15/IX 1943 г. Л69257. Тир. 50 000. Заказ 1219. $1^{5}/_{8}$ печ. л. 55 488 зн. в печ. л. 0,95 уч.-изд. л. Цена 30 коп.

Ф-ка юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

1

Они залегли в снежном шалаше между пнями и согревали своим дыханием озябшие руки. Мороз давал себя знать: он пробирал до костей. В этом холодном убежище приятели ежились с самого утра. Целый день на дороге не появлялись немцы.

Миша Харченко неотрывно наблюдал в щель шалаша. Отсюда хорошо был виден окаймлявший дорогу низенький заснеженный лесок. Кое-где возвышались старые, растопыренные ели, как крылатые птицы, готовые к взлету, да белые заиндевевшие березы. На холмах торчали пни, словно одинокие часовые с нахлобученными белыми колпаками.

На дороге показалась плотная группа немецких солдат, увешанных автоматами, винтовками, гранатами, ранцами. Миша Харченко нетерпеливо пошевелился и выдвинул «Максим» вперед. Юра Иванов взялся за ленту.

Впереди шел офицер. Он что-то крикнул, и задние ряды быстро подтянулись. Когда до немецкой колонны оставалось несколько десятков метров, Миша Харченко нажал на спусковой рычаг. На дороге все смешалось. Сбивая друг друга, кидая автоматы, гитлеровцы, как напуганные овцы, шарахнулись назад. Офицер о чем-то исступленно кричал, потом огляделся, очевидно ничего не понимая: откуда же в чистом поле, среди белого дня, взялись партизаны? Но тут же, раскинув руки, он ткнулся лицом в снег и замер: пуля скосила его наповал. Выбравшись из своего временного убежища, Миша и Юра осмотрелись. По дороге убегало несколько уцелевших немцев. Миша презрительно усмехнулся:

— Они теперь забудут дорогу к городу...

— Я думаю, наш друг «Максим» хорошо отомстил за голод и блокаду города, — отозвался Юра.

Они поспешно вытащили пулемет из-под снежного укрытия и поставили его на лыжи. Когда все было готово, Миша Харченко скомандовал:

— Теперь спешным маршем в лес...

Приятели спустились с пригорка. Миша Харченко скользил на лыжах и тянул за собой пулемет. Подталкивая палкой «Максима», сзади легко двигался Юра Иванов. Некоторое время они шли молча, пока мелкая поросль не сменилась крупным густым лесом. В лесу заметно стало темнеть. Теперь им ничто не угрожало. «Кочующий» партизанский пулеметный расчет был вне опасности.

— Перекурим, друг, целый день во рту папиросы не было, — предложил Харченко.

Он достал из кармана кисет, бумагу и насыпал махорки себе и Юре. Они жадно затянулись.

— Опасался я сегодня за «Максима»: вдруг отка-

жет? А сальники были плохо смазаны. Как не застыло масло! — удивился Миша.

— Твой «Максим» тебе никогда не откажет, — уверенно сказал Юра.

Харченко усмехнулся. Больше всего на свете он любил свой пулемет, не расставался с ним ни на один день, берег его, как зеницу ока. Партизанам говорил: «Максим» мне самый лучший друг». О своем «Максиме» хотел сложить красивую песню, но так и не смог подобрать настоящих слов. За эту привязанность к пулемету партизаны так и прозвали Харченко: «Наш друг «Мáксим».

«Кочующий» пулеметный расчет Харченко появлялся в тылу у врага в таких укромных местах, где его немцы никак не ждали. Пули «Максима» настигали врага на дорогах, на стоянках, на железнодорожных станциях, когда производилась высадка вражеских войск. Немцы называли его: «неуловимый русский Макс». Нередко, когда раздавалась неожиданная трескотня «русского Макса» в тылу у немцев, они в панике бросали оружие и бежали.

— Русский Макс... Русский Макс...

Плечистый, крепко сколоченный, с открытым взглядом, Миша Харченко был душою партизанского отряда. Ему, молодому, но опытному бойцу, страшные карельские и финские леса — летом топкие и болотистые, зимой стылые и заснеженные — были знакомы давно. Он прошел их вдоль и поперек еще во время финской кампании.

В начале войны с белофиннами Миша работал слесарем на молокозаводе в крупном поселке Дедовичи под Ленинградом. В замасленной блузе, с молотком и ключами в руках, Миша, подражая отцу, опытному

механику, шел по поселку с гордо поднятой головой. На заводе держался, как взрослый, опытный слесарь: сдвигал брови, хмурил лицо и слегка басил. Это получалось комично, но Мише очень хотелось скорей стать взрослым.

По выходным дням, рано утром, когда на крыши ложились первые утренние лучи и в щелях розовели тонкие паутинки, Миша забирался в укромный угол на чердаке и молчаливо начинал возиться со старым кольтом. Его нашли Мишины друзья где-то в куче железного старья заржавленным и забитым грязью. Миша очистил его, сделал кое-какие недостающие части, и кольт начал работать. С этим оружием Миша, Юра и поселковые ребята ходили в дальнюю березовую рощу и там упражнялись в стрельбе. Они ставили мишень с намалеванным белофинном, отсчитывали расстояние шагами и стреляли. У Миши была твердая рука и меткий глаз. Его пули точно поражали «белофинна».

И вдруг Миша исчез. Его не оказалось на заводе, не было и дома. Родные всполошились, стали разыскивать. Недоумевали и Мишины друзья: куда пропал их товарищ, заводила игр и стрелковых соревнований?

А Миша с начищенным старым кольтом и тремя патронами, с сумкой за плечами, в старой потертой кепке ехал воевать.

Правда, усатый строгий полковник, с широким скуластым лицом и узкими колючими глазами, смерив с ног до головы Мишу, не хотел принять его и отсылал обратно домой.

— Иди-ка ты, парень, подрасти малость, а потом мы уж с тобой повоюем... — уговаривал его отечески полковник.

Миша и слушать не хотел. Он же серьезно собрался

воевать, а не шутки шутить. Расхрабрившись, он показал полковнику свой кольт и похвастал:

— Вот, сам отремонтировал. Я, товарищ полковник, всякое оружие починять могу, я слесарь первого разряда и мастеровой хоть куда, — соврал Миша и покраснел.

Дома родным он никогда не говорил неправды. Но сейчас ему так не хотелось уходить обратно из части, что, отчаявшись, он решился на все.

— А кухни походные починять умеешь? — усмехаясь, спросил полковник.

— Умею, — ответил Миша, чувствуя, как на лбу выступил холодный пот.

— Ладно, слесарь первого разряда, оставайся, — махнул рукой полковник и, побарабанив по столу пальцами, сам написал родным письмо. «Можете не беспокоиться, сын ваш находится в надежных руках...» — так заканчивалось письмо полковника к Мишиным родным.

Миша попал к сибирским стрелкам. Это были суровые люди, молча переносившие тяготы войны. Как на сказочных героев, Миша смотрел на сибирских снайперов, которые уходили в лес запросто, как на охоту за зверем у себя в тайге, и уничтожали десятки белофиннов за один выход.

Был в части прославленный сибирский снайпер сержант Иван Ожогов, которого Миша боготворил. Скромный, молчаливый, застенчивый, он ходил тихо, крадучись, как кошка. Про своего деда, страстного охотника, он рассказывал, что тот одной пулей убивал тридцать пять белок. Сберегая свинец, старый охотник заряжал свое ружье так, чтобы пуля не прошла навылет. Тогда он доставал из убитой белки пулю и перезаряжал свою берданку. Если дед приносил пятьдесят белок и пулю

в руке, он говорил: «Это счастливая, схороню на память».

У внука старого охотника Ивана Ожогова был случай, когда его пуля прошила двух белофиннов и ранила третьего. Раненый белофинн увез «счастливую» пулю в животе в Финляндию...

Миша не отходил от сибирских снайперов, он приглядывался к ним и учился у них.

Первое время Мишу заставили починять котлы и замки в походных кухнях, работать в походной мастерской. Это ему было не совсем по вкусу: он рвался в бой. Однажды Миша случайно обнаружил изувеченный пулемет «Максим». Присмотрелся к нему: что-то в нем не работало, чего-то недоставало. Он разобрал пулемет, потом тщательно собрал и снова разобрал. Дни и ночи Миша возился с «Максимом», собирал, чистил, шлифовал, делал недостающие части — и пулемет вдруг ожил. Миша был счастлив. Это не чета его кольту. Пулемет заменяет не менее сорока стрелков.

Мишу назначили в роту пулеметчиком. Он сразу повзрослел, стал заметным бойцом в подразделении. Прославленный сибирский снайпер Иван Ожогов поздравил его с большой честью. И когда рота повела наступление на важную высотку, командир приказал Мише прикрывать пулеметом правый фланг. Миша выбрал позицию и залег со своим расчетом. Но как раз против него, в дзоте, засел белофинский пулеметчик. Левый фланг уже пошел в атаку, а правый был задержан вражеским пулеметом. Снайперы били в амбразуру, но белофинн не унимался. Его пулемет ни на минуту не затихал. Это разозлило Мишу. Он выдвинулся со своим «Максимом» на передний край и залег в кустах. Отсюда можно было произвести хорошую пристрелку по

дзоту. Первая очередь заставила финна насторожиться. Он стал искать русский пулемет. Но Миша быстро менял позиции, «Максим» все время стрелял из разных пунктов. Это обескуражило финна. А в это время к дзоту незаметно подползли сибирские стрелки и забросали его гранатами. Пехота стремительно ринулась в атаку. Высотка была взята. Командир роты поздравил Мишу с первой боевой удачей:

— А ты, парень, того — шустрый. Ишь, как обкрутил финна.

Снайпер Ожогов брал с собой Харченко на «охоту». Они ложились в кустах, маскируясь ветками и травой. Как-то они просидели под старым пнем два дня. Харченко нетерпеливо ворочался и, уже отчаявшись, думал, что придется вернуться обратно ни с чем.

— Экий ты, Миша, нетерпеливый. Сиди и жди. Без терпенья ни одного зверя не убьешь, — спокойно говорил ему Ожогов.

К концу второго дня, когда стало смеркаться, они уложили пятнадцать белофиннов. Снайпер Ожогов научил Мишу спокойствию, выдержке и терпению.

Вместе с бойцами Миша Харченко прошел «неприступную» маннергеймовскую линию укреплений. Он научился замечательному боевому искусству — создавать кочующий пулеметный расчет. Миша со своим расчетом заходил в тыл врага, укрывался подле дорог, на перекрестках и подстерегал колонны вражеских войск. Своим метким, губительным огнем он наводил панику на финнов.

Правительство высоко оценило смелость и мужество Харченко. Вместе с лучшими сибирскими снайперами и гранатометчиками Харченко был награжден орденом Ленина.

* * *

1941 год. Гитлеровские банды напали на советскую землю. Все ближе подходил фронт. Озверелый враг рвался к Ленинграду. С первых дней войны Миша Харченко у себя, в поселке Дедовичи, вступил в батальон истребителей. Он командир молодежного взвода.

Еще до войны, работая директором дома культуры, Миша Харченко широко развернул военную работу в районе. Он втягивал молодежь Дедовичей в массовые военные игры, походы, вылазки, эстафеты. И теперь в молодежном взводе истребительного батальона были все Мишины друзья.

Тренировка помогла взводу занять первое место в батальоне; молодые бойцы отличались хорошей выносливостью и меткой стрельбой. Но у взвода нехватало оружия: на пятьдесят человек было всего пять винтовок. А немцы находились в четырех-пяти километрах.

— Товарищи, не сегодня—завтра немцы ворвутся в поселок, — обратился командир взвода Миша Харченко к своим бойцам. — А у нас нет оружия. Что нам нужно делать? Надо добыть его в бою. Поклянемся, что мы это сделаем.

— Клянемся! — дружно отозвался молодежный взвод.

В сумерки раздалась боевая тревога. Ребята вскочили и выстроились в несколько мгновений. Командиру взвода стало известно, что в районе совхоза «К. Г.» вот-вот должен вспыхнуть бой. Немцы стремятся обойти поселок и окружить его.

— Товарищи, полное спокойствие и выдержка. Мы должны не только опрокинуть врага, но и завладеть его оружием. Помни каждый: без оружия с поля боя не возвращаться, — приказал командир.

Под покровом темноты, перелесками и березовыми рощами, взвод проник в район совхоза «К. Г.». Истребители подоспели во-время. С минуты на минуту там ждали атаки немцев. Подразделение Красной Армии, державшее огневой рубеж у совхоза, поделилось с новым пополнением вооружением и боеприпасами. Взвод расположился в засаде.

Еще не рассеялся предутренний туман в оврагах, когда показались немцы.

— Не стрелять, ждать команды, — предупредил бойцов Харченко.

Истребители притихли. Когда немцы подошли на пятнадцать-двадцать метров, командир дал команду:

— Огонь!

Бой продолжался недолго. Удар был столь неожиданным, что немцы побежали, бросая оружие. Истребители захватили богатые трофеи: пулеметы, карабины, гранаты, патроны. Взвод в бою добыл себе оружие.

...Немцы наступали. В районе началось формирование партизанских отрядов. В леса прибывали всё новые и новые группы колхозников, рабочих, интеллигенции. Все они горели желанием бороться с немецкими захватчиками. В эти дни началась партизанская жизнь Миши Харченко и его боевых друзей. Миша учил молодых партизан правилам партизанской борьбы.

— Здесь, — говорил он, — воевать нужно по-особому: скрытно, нападать неожиданно, ловить врага, когда он беспечен. Каждую минуту вы должны быть настороже, в боевой готовности.

Подобрав себе в «кочующий» пулеметный расчет нужных людей, Миша начал боевые действия. Лесными тропами пробирался он по немецким тылам и наносил

губительные удары по врагу. Безотказно работал «Максим». Он выручал своего хозяина в самые тяжелые минуты и не раз спасал ему жизнь. За это берег Миша свой пулемет. Когда ложился отдыхать в партизанской землянке, верным часовым у ног стоял «Максим». С великим вниманием и тщательностью ухаживал он за своим боевым оружием: чистил, смазывал, разбирал и собирал пулемет. Только иногда эта почетная обязанность доверялась Юре Иванову — первому номеру. Но с ним у Миши Харченко была особая дружба и любовь.

2

Друзья возвращались из разведки. В лесу становилось совсем темно. Частенько приходилось натыкаться на сучья, пни, попадать в припорошенные снегом ямы. Тогда, ругаясь, друзья вытаскивали «Максима» и снова ставили на лыжи. Кое-как они выбрались на просеку. Выглянула луна и осветила лес и просеку. Большие лохматые тени лежали на их пути. Миша и Юра скользили на лыжах без остановок и скоро добрались до базы. Здесь они узнали печальную весть: в стычке с немецкими карателями погиб командир партизанского отряда Владимир Петрович Бундзен. Миша Харченко хорошо знал Бундзена — в прошлом народного учителя, — как человека большой душевной силы, замечательного учителя-коммуниста, хорошего друга партизан, прекрасного командира. Это была тяжелая утрата. Враг ранил партизанский отряд в самое сердце. Кто теперь возглавит партизанский отряд?

Бундзен ненавидел немцев и до последнего дыхания мстил им расчетливо и умело. Теперь в крайней избе стоял большой пахнущий смолой сосновый гроб. Парти-

занские дозоры вокруг деревни охраняли покой своего командира. Они исполнили его просьбу: с боем очистили деревню, в которой он учительствовал.

Миша и Юра, глубоко переживая тяжелую утрату, шли проститься со своим командиром. В крайней избе толпились партизаны. Почетная стража стояла у гроба.

Миша Харченко склонил голову. Вместе воевали, вместе переносили невзгоды, за одно большое дело боролись. Он поцеловал холодный лоб командира, снял с его груди орден «Красного Знамени» и прикрепил к знамени партизанского отряда.

— Его именем мы назовем наш отряд, — громко и торжественно произнес он. — Смерть боевого командира зовет нас к мести. Мы будем мстить за наших детей, матерей и жен, за свою родную землю. Клянусь, не выпущу из рук своего оружия, пока на нашей родной земле останется хоть один гитлеровец.

Он поцеловал знамя.

Вслед за Харченко подходили к гробу партизаны. Они прощались со своим командиром, целовали знамя и громко повторяли:

— Клянусь.

— Клянусь.

Штаб партизанского края назначил Харченко командиром отряда. На его молодые плечи легла большая ответственность. Партизаны с радостью приняли это назначение. Все считали, что Миша Харченко — достойная замена погибшего командира.

Много смелых и опасных операций провел отряд под руководством молодого командира.

Командуя отрядом, Миша Харченко попрежнему не расставался со своим «Максимом». На самых опасных

участках, когда складывалась угрожающая обстановка, раздавался гневный голос «Максима», и враг, неся большие потери, вынужден был отходить. Так же как и раньше, Миша неожиданно со своим грозным оружием появлялся в тылу у врага и беспощадно истреблял немцев. Он мстил за родину, за командира, за советский народ. По селам и деревням шла боевая слава о делах отряда и его командира. Она укрепляла веру советских людей в победу над захватчиками.

3

Об одной боевой операции, проведенной отрядом Харченко, долго вспоминали по окрестным лесам и селам.

Это было в середине зимы. Отряд Харченко расположился на отдых после очередного налета, когда посыльный из партизанского штаба принес срочный приказ. Его отряду спешным порядком предлагалось прибыть к пункту Д.

Немцы в пункте Д. сосредоточивали крупные силы. Гарнизон с каждым днем пополнялся. Возводились большие укрепления. Отсюда немцы, видимо, пытались повести наступление на партизанский край. Командование партизанского штаба решило сорвать замыслы врага и разгромить немецкий гарнизон.

В лесу уже вечерело. Небо обложили густые снежные облака. Все были уверены, что к ночи пойдет снег, может завьюжить — это благоприятствовало бы походу. Но к полночи небо прояснилось, появилась луна. Наступила такая тишина, что слышно было, как где-то в лесу зайцы грызли кору деревьев.

В такую ясную ночь надо быть особенно осторожным. На боевую операцию к пункту Д. стягивалось не-

сколько партизанских отрядов. Партизаны пробирались незаметно, окольными путями, по целине, без дорог. Немцев нужно было захватить врасплох.

Отряд Харченко прибыл точно к сроку. Он был поставлен в качестве заслона на большой дороге, чтобы воспрепятствовать попытке немцев подбросить подкрепления.

Партизаны обложили пункт Д. с разных сторон. Разгорался бой. Доносилась частая трескотня автоматов, стук пулеметов; гулко рвались снаряды. Где-то на окраине вспыхнуло зарево пожара, стало светло. Заухала партизанская пушка. Отозвались два немецких орудия, с воем полетели мины.

Немцы держались крепко: техника у них преобладала. Харченко получил приказ выделить подкрепления. Пришлось отослать добрую половину своих бойцов. В засаде осталась небольшая группа партизан и Харченко со своим «Максимом».

Несмотря на ожесточенное сопротивление немцев, партизаны все теснее сжимали кольцо. Замолчали немецкие пушки, видимо, подбитые партизанами. Гранатами партизаны подорвали миномет и два вражеских пулемета. Харченко, наблюдавший за ходом боя, повеселел. «Сомнут партизаны», думал он. Разрывы ручных гранат уже вспыхивали в самом центре поселка.

«Молодцы! Ей-богу, молодцы!» думал Харченко, и пальцы его нетерпеливо сжимали рукоятки «Максима».

В это время в воздух взвилась красная ракета: немцы вызывали помощь.

— Пришла и наша очередь, — промолвил Харченко, пристально вглядываясь в туманную дорогу.

— Пришла, — отозвался Юра Иванов.

Они залегли с «Максимом» на высотке. Прямо перед ними лежала дорога, налево расстилалось ровное поле.

Спустя полчаса появились немцы. Они шли по дороге колонной, не подозревая опасности.

Столкнувшись с передовой группой отряда Харченко, немцы пошли на хитрость. Кто-то закричал по-русски:

— Эй, не стреляйте! Мы из отряда Артемьева!

Партизаны знали, что никакого отряда Артемьева не существует. Ответом немцам был дружный залп.

Немцы открыли ожесточенный огонь. Они били из трех пулеметов и миномета, стреляли из винтовок и автоматов.

— Ни шагу назад! — закричал по цепи Харченко.

Он выдвинулся с пулеметом вперед, нажал на спусковой рычаг. Но выстрела не последовало: «Максим» отказал.

Встретив слабое огневое сопротивление, немцы остервенело лезли вперед. Харченко знал цену каждой секунды. Он не замечал ни минных разрывов, ни пуль, свистевших вокруг. Умелые руки работали быстро и сноровисто.

Немцы находились в нескольких десятках метров, когда «Максим» заработал.

Меткие очереди прижали немцев к земле. Тогда они снова открыли бешеный огонь по высотке. «Максим» умолк. Осмелев, немцы поднялись в атаку. Снова заговорил «Максим», внося опустошение во вражеские цепи. Немцы опять залегли. Так повторялось несколько раз.

Немцы пытались забросать пулемет гранатами. Но те из них, которые хотели это сделать, погибли от огня

пулемета, так и не приблизившись на необходимую дистанцию.

Немцы решили накрыть пулеметчиков минометным огнем. Мины рвались все ближе. Тогда Харченко стал маневрировать, быстро меняя позиции...

До рассвета шел этот неравный бой. Немцам так и не удалось прорваться к окруженному гарнизону. Понеся большие потери, они отошли.

Утром, когда бой в поселке Д. кончился победой партизан, Миша Харченко и его боевые друзья насчитали на подступах к высотке свыше ста немецких трупов.

За голову Харченко немецкое командование назначило крупную сумму денег. Каратели искали его по окрестным селам. Но Харченко был неуловим. Попрежнему продолжал он свои дерзкие налеты на вражеские банды, истребляя немцев в селах, на дорогах.

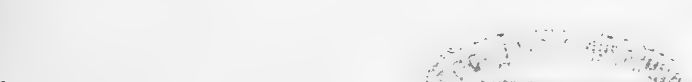
4

Блокированный Ленинград переживал суровую зиму. Нехватало продовольствия, голод мучил защитников города. Эти известия взволновали советских людей. На собраниях колхозники решили оказать помощь Ленинграду.

Миша Харченко пошел по селам. Здесь, во временно оккупированных районах, хорошо знали отважного партизана. Повсюду его призыв встречал горячий отклик.

* * *

В крестьянской избе тесно и жарко. Плотный махорочный дым висит над головами людей. Миша Харченко передает привет от партизан и героических защитни-

ков города. Он говорит немного, очень немного, но его понимают с полуслова.

По ночам в деревни, расположенные среди лесов и болот, в стороне от больших дорог, стягивались подводы с продовольствием. Люди доставали из глубоких ям муку, сало, масло, мед. Все это грузилось на сани. Сани прятали под навесами, чтобы не увидели их немецкие летчики.

Партизанский отряд Миши Харченко нес охрану деревень, где формировались обозы. Ни один гитлеровец, ни один предатель не должен был проникнуть в эти села и деревни.

Харченко переживал горячие дни. Нужно было предусмотреть все до мелочей: выделить разведку, которая пойдет по пути следования обоза, боевое охранение, надежных возчиков, которые бы не струсили в сложной обстановке. Много было хлопотливой, ответственной и в то же время благодарной работы.

Наконец все закончено. Обоз двинулся в путь. Ночь выдалась ясная. Лесная тишина нарушалась только скрипом полозьев двух сотен саней.

Десятки километров люди шли в глубоком снегу впереди обоза, протаптывая путь по целине. А мороз лютовал. Усталые, промерзшие люди не спали по нескольку суток.

Темной ночью шли по открытому озеру. Северная пурга мелкой снежной пылью застилала глаза и не давала вздохнуть полной грудью. Немцы бросали в темноту осветительные ракеты. Лошади взвивались на дыбы, храпели и прядали ушами.

Последнюю тревожную ночь отдыхали в лесу, без костров: немцы были рядом. Твердый, как камень, промерзший хлеб отогревали на груди. Полами шуб лоша-

дям зажимали ноздри, чтобы они своим фырканьем не привлекли внимания немцев.

Подарки советских людей из вражеского тыла благополучно были доставлены в Ленинград. Миша Харченко был в составе делегации.

И вот он, Герой Советского Союза, с золотой звездой и двумя орденами Ленина на груди, стоит перед членами правительства в большом зале. К нему подходит товарищ Жданов и, по-отцовски пожимая руку, улыбаясь, говорит:

— Здравствуй, герой. Ну, расскажи, как ты воевал?

Цена 30 коп.